

Т.В. Котюкова*

«ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА» НАЧАЛЬНИКА ТУРКЕСТАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ А.А. ТАТИЩЕВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ИРАН НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-6
УДК 94(575.4)*Выходные данные для цитирования:**Котюкова Т.В. «Докладная записка» начальника Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ А.А. Татищева как источник по истории переселенческого движения в Иран накануне Первой мировой войны // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 60–75.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-06.pdf>*

T.V. Kotyukova*

“REPORT” BY THE HEAD OF THE TURKESTAN DEPARTMENT OF AGRICULTURE AND STATE PROPERTY, A.A. TATISHCHEV AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE MIGRATION MOVEMENT TO IRAN ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR**

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-6

*How to cite:**Kotyukova T.V. “Report” by the Head of the Turkestan Department of Agriculture and State Property, A.A. Tatishchev as a Source on the History of the Migration Movement to Iran on the Eve of the First World War // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 60–75. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-06.pdf>]*

Abstract. In this article, we will analyze an interesting and important source on the complex issues of Russian resettlement in the northeastern provinces of Iran. This is the “Report” from Alexei A. Tatishchev, head of the Turkestan Administration of Agriculture and State Property, addressed to Alexander V. Samsonov, Governor-General of Turkestan, regarding peasant resettlement to Iran. The “Report” consists of a main section, a summary of conclusions, and an appendix. It is dated May 28, 1914. A copy of the report was sent to the Ministry of Foreign Affairs and is stored in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI) in the Central Asian Table collection. This document allows us to take a comprehensive look at the situation, understanding the specifics and nuances of state resettlement policy, which included several strategic lines, and to recognize that these lines had a departmental dimension.

Keywords: Russian Empire, Northeastern Iran, Mazandaran and Astrabad provinces, Turkestan Governorate-General, Russian settlers, resettlement policy, Yomud Turkmens, A.A. Tatishchev, A.V. Krivoshein, A.V. Samsonov.

The article has been received by the editor on 21.10.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* Татьяна Викторовна Котюкова, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: kotyukovat@mail.ru

Tatyana Viktorovna Kotyukova, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: kotyukovat@mail.ru

** Статья опубликована в рамках реализации проекта «Россия в Центральной Азии: модернизация, культурные связи, мемориальная политика (вторая половина XVIII – начало XXI вв.)» (FWZM-2025-0001).

The article was published as part of the project “Russia in Central Asia: Modernization, Cultural Ties, Memorial Policy (Second Half of the 18th – Beginning of the 21st Centuries)” (FWZM-2025-0001).

Аннотация. В настоящей статье мы проанализируем интересный и важный источник по целому комплексу проблем русского переселения в северо-восточные провинции Ирана. Речь идет о «Докладной записке» начальника Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ Алексея Алексеевича Татищева на имя туркестанского генерал-губернатора Александра Васильевича Самсонова о крестьянском переселении в Иран. «Докладная записка» состоит из основной части, свода заключений и приложения. Она датирована 28 мая 1914 г. Копия записки была направлена в Министерство иностранных дел и отложилась в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) в фонде Среднеазиатский стол. Документ позволяет взглянуть на ситуацию комплексно, разобраться в особенностях и нюансах государственной переселенческой политики, в рамках которой существовало несколько стратегических линий, и осознать, что эти линии имели ведомственное измерение.

Ключевые слова: Российская империя, северо-восточный Иран, Мазендаранская и Астрабадская провинции, Туркестанское генерал-губернаторство, русские переселенцы, переселенческая политика, туркмены-йомуды, А.А. Татищев, А.В. Кривошеин, А.В. Самсонов.

Статья поступила в редакцию 21.10.2025 г.

Исторический контекст переселенческого движения в северо-восточные провинции Ирана. Переселенческое движение в Иран стало серьезно анализироваться специалистами еще в последние предреволюционные годы¹. Далее эстафета перешла к советской исторической науке советских республик Средней Азии². В последние годы много и успешно осмыслением истории русского крестьянского переселения и колонизации Астрабадской и Мазендаранской провинций Персии занимается А.Б. Ларин³ и ряд других авторов⁴.

Прежде чем мы перейдем к знакомству с содержательной частью «Докладной записки» А.А. Татищева⁵, рассмотрим общий контекст, при котором началось и развивалось русское переселенческое движение в северо-восточный Иран в начале XX в.

Во второй половине XIX в. в Персии столкнулись интересы Российской и Британской империй. Итогом этой сложной, не всегда только дипломатической борьбы стала Англо-русская конвенция, заключенная в Санкт-Петербурге 18 (31) августа 1907 г. Соглашение предусматривало разделение Персии на три зоны влияния. Северная часть составляла русскую зону влияния, южная часть была признана британской зоной. Между северной и южной частями страны тянулась нейтральная полоса, в пределах которой как Россия, так и Англия

---

¹ Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии. Пг., 1915; Бессонов Б.В. Русские переселенцы в Северной Персии. Пг., 1915; Воишин В.П. Современные задачи России на севере Персии. Пг., 1915; Чиркин Г.Ф. Отчетная записка о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазендаранскую провинции Северной Персии. Пг., 1916; и др.

² Гинзбург А.И. Из истории возникновения русских поселений в Северном Иране // Из истории Средней Азии (дореволюционный период): сб. ст. Ташкент, 1965. С. 30–36; Канода Н.Н. Переселенческие поселки в Закаспийской области (Конец XIX в. – начало XX в.). Ашхабад, 1973; и др.

³ Ларин А.Б. «Сами персы ничего не предпримут для поднятия края»: консул К.В. Иванов о проблемах и перспективах российского переселенчества и землевладения в прикаспийских провинциях Ирана (начало XX в.) [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История». 2023. Т. 14, вып. 9 (131). URL: <https://history-jes.su/s207987840028442-5-1> (дата обращения: 14.10.2025); Ларин А.Б. Политика колонизации как политика безопасности: российское переселенчество в Астрабадскую провинцию Ирана в эпоху Великой войны [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История». 2023. Т. 14, вып. 11 (133). URL: <https://history-jes.su/s207987840029145-8-1> (дата обращения: 14.10.2025); и др.

⁴ Сухоруков А.Н. Русские поселения на севере Ирана в начале XX в. // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем. IX Колосницынские чтения: мат-лы междунар. науч. конф. (16–17 апреля 2014 г.). Екатеринбург, 2014. С. 282–287.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 1–19.

могли добиваться от иранского правительства концессий только по соглашению с другой стороной.

Первое десятилетие XX в. стало для Ирана периодом политического и финансового кризиса. В 1905–1911 г. в стране произошла Конституционная революция, корни которой находились не только внутри страны, но и за ее пределами. Шах Музаффар ад-Дин был ориентирован на Россию. Англичане всеми силами старались ослабить русское влияние, оказывая поддержку одновременно революционерам и шиитскому духовенству. В результате сильнейшего политического давления в октябре 1906 г. Мозаффереддин-шах был вынужден принять конституцию и создать меджлис.

В январе 1907 г. на иранский престол вступил Мохаммед Али-шах. 24 июня 1908 г. разогнал меджлис с помощью русской Персидской казачьей бригады. В июле 1909 г. Мохаммед Али был низложен.

В феврале 1909 г. в северо-западных районах Ирана участились случаи грабежей жителей, являвшихся русскими подданными, а также нападений на консульства. Весной 1909 г. в связи с нестабильной политической обстановкой в Иран были направлены российские войска. Убийства российских подданных карались смертными приговорами, выносимыми российскими военно-полевыми судами. Спустя несколько месяцев после ввода войск русские дипломаты в Иране сообщали в МИД о нормализации обстановки и наведении относительного порядка в северных приграничных районах.

После небольшого периода затишья осенью 1911 г. ситуация вновь обострилась. В иранской политической элите стали все отчетливее проявляться протурецкие настроения.

В июле 1911 г. бывший шах Мохаммед Али при поддержке России вновь прибыл в Иран и попытался снова прийти к власти, но осенью 1911 г. его отряды были разбиты. В ноябре 1911 г. российский военный контингент в Иране усилили, а иранскому правительству объявили ультиматум с требованием восстановить порядок и обеспечить защиту российских экономических интересов. После оккупации русскими войсками Северного Ирана иранское правительство согласилось удовлетворить все требования России.

В это же время на западе в приграничные территории Ирана вторглись турецкие войска. Россия приняла меры по вытеснению турецких войск с иранской территории. После стабилизации обстановки основная часть русских войск покинула Иран, но отдельные подразделения русской армии находились на территории Ирана вплоть до начала Первой мировой войны.

Персидское государство было многонациональным. На его территории проживали обособленные народы, не имевшие своей национальной государственности. Ситуация в регионе осложнилась после присоединения территории Закаспия к России. Накануне войны на северо-востоке Ирана в Астрабадской провинции было неспокойно. Здесь проживали кочевые и полукочевые племена курдов и туркмен-йомудов. Йомудов было порядка 12 тыс. семей⁶. Последние нередко имели двойное подданство и регулярно совершали сезонные перекочевки на территорию Закаспийской области Российской империи. В Иране находились их зимние стойбища и пахотные земли, в пределах Российской империи – летние. В Закаспийской области йомуды всячески уклонялись от уплаты податей, для чего совершали перекочевки в Персию. Здесь они совершали набеги на оседлое иранское население Астрабадской провинции.

В 1913 г. обстановка на русско-персидской границе продолжала оставаться непростой. Поводом к нагнетанию ситуации стало закрытие в Закаспийском регионе русско-персидской и русско-афганской границы в связи с эпидемией чумы.

Министр внутренних дел Н.А. Маклаков проинформировал Совет Министров о ситуации на российско-персидской границе в 1913 г. Согласно полученным донесениям, некоторые проживающие в Мерве иранцы вели антирусскую пропаганду среди туркмен⁷,

⁶ Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 115. Оп. 1. Д. 160. Л. 15.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 5067. Л. 7.

несмотря на то, что взаимоотношения между иранцами-шиитами и туркменами-суннитами имели давнюю историю взаимной неприязни.

Оценка ситуации в Мерве и в приграничной Закаспийской области у туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова значительно отличалась от оценок Министерства внутренних дел. Самсонов и сотрудники его канцелярии крайне скептически относились к возможности совместных действий туркмен и персов в пределах русско-персидской границы⁸. На фоне этих политических и социально-экономических изменений начала XX в. в Иран начинают прибывать русские крестьяне-переселенцы.

Экономические интересы России в Иране накануне Первой мировой войны. С 1907 г. в Астрабадской провинции начали появляться русские переселенцы. Переселенческое движение возникло стихийно, без всяких усилий со стороны русского правительства. Оно росло и развивалось.

Вдоль российско-персидской границы стали возникать русские переселенческие поселки. В 1907 г. первые поселенцы обосновались неподалеку от рыбных промыслов купцов Лианозовых. Им удалось занять участок земли при содействии русского консульства в Астрабаде. Поток колонистов рос, и на территории Астрабадской, а затем Мазандаранской провинций возникали новые поселки. Практически параллельно с этим процессом развивалось и крупное российское землевладение. С российской стороны вопросом обустройства колонистов занимались Министерство иностранных дел и Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). Одним из основных мотивов поощрения и стимулирования колонизации, по мнению А.Б. Ларина, было стремление сформировать фактически новую российско-иранскую границу и обеспечить безопасность важного в стратегическом отношении региона⁹.

С 1913 г. к оказанию русским переселенцам необходимой помощи были привлечены чины Сырдарьинского переселенческого района Туркестанского генерал-губернаторства¹⁰.

В апреле 1913 г. Главноуправляющий ГУЗиЗ А.В. Кривошеин совершил поездку по Закавказью с посещением Муганской степи. Под впечатлением от увиденного им была составлена записка¹¹ на Высочайшее имя с планом развития Восточного Закавказья. В записке, помимо прочего, предлагалось взять концессию на персидскую часть Муганской степи (в том числе для организации борьбы с саранчой) в Гилянской провинции, построить Муганскую железную дорогу и заняться разведением хлопка¹².

Необходимо отметить, что по Петербургскому мирному договору 1723 г. к России отходили Гилянская, Мазандеранская и Астрабадская провинции Персии, но фактического присоединения территорий не состоялось. В 1732 г. Россия вернула Персии указанные провинции. Но и в России, и в Персии помнили, что такой исторический эпизод имел место.

Освоение провинций северо-восточной Персии русскими крестьянами-переселенцами на когда-то российских Гилянской, Мазандеранской и Астрабадской провинциях сухопутным путем могло развиваться по двум направлениям: со стороны Кавказа через Муганскую степь и со стороны Закаспийской области Туркестанского края.

Русский консул в Астрабаде К.В. Иванов в донесении, составленном в конце 1913 г. и придавшем мощный импульс обсуждению вопроса о поощрении русского землевладения и землепользования в Астрабадской и Мазандеранской провинциях как по линии МИД, Переселенческого управления ГУЗиЗ, Красного Креста и т.д., показал все достоинства и преимущества северо-восточной Персии для русской колонизации¹³.

⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 5067. Л. 17 об.

⁹ Ларин А.Б. Политика колонизации как политика безопасности...

¹⁰ Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии... С. 3.

¹¹ Кривошеин А.В. Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Муганскую степь в 1913 году. Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб., 1913.

¹² Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин (1857–1921 г.). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973. С. 143.

¹³ Ларин А.Б. «Сами персы ничего не предпримут для поднятия края»...

Комиссар для пограничных общений с Персией (эта должность была учреждена в 1897 г.) генерал К.В. Лавров со своей стороны отмечал любопытное явление: в 1913 г. в Персию переселилось много русских крестьян из Туркестана и Европейской России. Порядка 700 дворов переселенцев осели в основном в плодородных долинах рек Гюргена и Атрека, скупая за бесценок земли разорившихся местных землевладельцев. Причем хорошей ценой считался 1 рубль за десятину. Он же приводил сведения о том, что в пределах Астрабадской и Мазендаранской провинций Персии проживает 20 тыс. русских крестьян. По мнению генерала Лаврова, уже весной 1914 г. сюда могли хлынуть толпы переселенцев, поэтому он просил направить в эти районы для помощи в обустройстве крестьянам русских чиновников и санитарный отряд Российского общества Красного Креста¹⁴.

Сферы деятельности консула и комиссара, по образному выражению чиновника переселенческого управления А.М. Сахарова, разделялись рекой Курджавал, а по определению местных жителей консул и комиссар на подконтрольных им территориях были теми, кем являлись русские губернаторы в своих губерниях. «Если в этом содержалось преувеличение, – писал Сахаров, – то совсем небольшое»¹⁵.

Россия старалась развивать торговые связи с Ираном. Закаспийский участок границы считался одним из самых важных торгово-перевалочных пунктов. Поэтому в 1894 г. был образован особый Закаспийский таможенный округ. Он контролировал всю торговлю Бухарского эмирата и Хивинского ханства, а также все товары, ввозимые из Афганистана, Британской Индии и Ирана в Туркестанский край и ханства.

В 1913 г. дипломатическому чиновнику при туркестанском генерал-губернаторе А.А. Семенову было поручено разобраться с обращением на территории Туркестана персидского крана. Получив и систематизировав информацию о значении кранов в русской торговле в Средней Азии с приграничными странами, Семенов 10 января 1914 г. в формате «Справки по вопросу о современном обращении персидских кранов в Средней Азии в пределах нашей южной приграничной полосы»¹⁶ представил ее генерал-губернатору А.В. Самсонову. В 1902 г. краны были допущены в обращение на приграничных территориях Туркестана наравне с бухарской теньгой и российскими денежными знаками. Стремление упорядочить хождение персидских кранов по территории Русского Туркестана и Бухарского эмирата должно было в конечном итоге способствовать улучшению экономической ситуации в регионе. Логическим продолжением «Справки» А.А. Семенова стала «Докладная записка» А.А. Татищева.

«Новый курс» в переселенческой политике. В 1910 г. российское правительство взяло так называемый новый курс в переселенческой политике. Главной задачей теперь становилось не просто выселение крестьян из Центральной России, а заселение окраин крепкими крестьянскими хозяйствами. В апреле-марте 1912 г. Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин посетил Туркестан, о чем составил подробную записку¹⁷.

Важной составной частью нового курса Кривошеина в Туркестане было расширение хлопководства. К 1880-м гг. хлопок, выращенный на территории Туркестана, мог удовлетворить потребности примерно десятой части русской текстильной промышленности. Кроме того, Россия закупала хлопок в своих протекторатах – Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. Но и это не могло полностью обеспечить необходимые для промышленности объемы поставок хлопка-сырца. Остальное приходилось закупать за рубежом. С 1870-х гг. и центральная, и региональная власть уделяла особенное внимание развитию этой культуры,

¹⁴ Котюкова Т.В. Персия // Россия в системе международных отношений в годы Первой мировой войны. М., 2019. Т. 3. С. 329.

¹⁵ Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии... С. 14.

¹⁶ Котюкова Т.В. Денежное обращение в русском Туркестане и Бухарском эмирате. Справка А.А. Семенова «По вопросу о современном обращении персидских кранов в Средней Азии» // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 8. М., 2018. С. 220–259.

¹⁷ Кривошеин А.В. Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием в Туркестанском крае в 1912 году. Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб., 1912. С. 3–4.

пытаясь тем самым в будущем решить проблему зависимости российской текстильной промышленности и экономики в целом от импорта хлопка. В 1880-е гг. при генерал-губернаторе Н.О. Розенбахе был развернут проект по внедрению американского сорта хлопчатника в Туркестане.

В последующий период, до 1910 г., взгляды военных губернаторов областей Туркестана, туркестанских генерал-губернаторов и ГУЗиЗ зачастую сильно не совпадали. Например, они не совпали по принятию дополнения к статье 270 Положения об управлении Туркестанским краем – о возможности государства изымать так называемые земельные «излишки» у кочевого населения региона¹⁸.

По мнению А.В. Кривошеина, были глубокие внутренние причины, задержавшие русское заселение Туркестана. Причины эти – плотность расселения коренного населения в полосе орошаемых земель и сравнительная бесплодность земель неорошаемых¹⁹. «Надо дать, – считал А.В. Кривошеин, – русским переселенцам в руки бесспорное земельное богатство, а таким в Туркестане является только орошение земли. Но все ранее орошенные земли остаются в руках туземцев, следовательно, или их у них скупить, или оросить новые»²⁰. То есть Кривошеин имел намерение отказаться от изъятия «излишек». Такой подход был одним из элементов нового курса Кривошеина.

Как отмечает ряд авторов, русская колонизация коренного Туркестана была количественно ничтожна²¹. Переселенцы устраивались либо самовольно, входя в те или иные соглашения с первоначальными хозяевами земли, а зачастую и без них, либо на пресловутых земельных «излишках», изъятие которых государство узаконило в 1910 г., или в организованном порядке с 1912 г. на землях, орошенных за счет государственных средств.

26 ноября 1912 г. начальником Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ был назначен 27-летний камер-юнкер Алексей Алексеевич Татищев. Карьера Татищева развивалась стремительно. В 1906 г. он окончил Александровский лицей с большой золотой медалью и отдельной медалью за сочинение на тему «Переселение крестьян». Поэтому сразу же поступил на службу в Главное управление землеустройства и земледелия, в Переселенческое управление, помощником делопроизводителя в V делопроизводстве, в ведении которого находились переселенческие районы на Кавказе, вдоль Амура и в Приморье. Летом 1906 г. Татищев сопровождал начальника Переселенческого управления Г.В. Глинка в поездке по Сибири и степным областям. В 1908 г. он побывал в Амурской области. В 1911 г. Татищева назначают заведующим Приморским переселенческим районом. Спустя год его переводят на новое место службы – в Туркестан. Как вспоминал сам Татищев, туркестанского генерал-губернатора Самсонова вначале очень смущала его молодость и он неохотно дал свое согласие на назначение, но в дальнейшем относился к Татищеву доброжелательно²².

Татищев ехал в Ташкент с напутствием Кривошеина – не стесняться и удалять всех, кто будет мешать или противодействовать новому курсу в переселенческой политике. Каково же было удивление Татищева, когда, приехав в Ташкент и познакомившись с делами, он не нашел среди подчиненных «стремлений противодействовать петербургским указаниям»²³. Татищев прибыл в Ташкент 6 февраля 1913 г. Согласно его мемуарам, до своего назначения в 1910 г. он уже бывал в Туркестане²⁴.

¹⁸ Законопроект о дополнении ст. 270 Положения об управлении Туркестанским краем (Стенографический отчет). Полтава, 1910. С. 1–6.

¹⁹ Кривошеин А.В. Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием в Туркестанском крае в 1912 году... С. 47.

²⁰ Там же. С. 54.

²¹ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 527; Шарова П.Н. Переселенческая политика в Средней Азии // Исторические записки. 1940. № 8. С. 31–34; и др.

²² Татищев А.А. Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. С. 147.

²³ Там же. С. 145.

²⁴ Там же. С. 156.

Вскоре выяснилось, что рабочие планы нового начальника выходили за пределы не просто границ Туркестанского генерал-губернаторства, но и за государственную границу Российской империи, и устремляются в Персию. Это было напрямую связано с решением задачи по обеспечению хлопковой независимости России и новым курсом Кривошеина. По воспоминаниям самого Татищева, совершая поездку в Закаспийскую область, он заодно попросил разрешения у генерал-губернатора Самсонова проехать в пограничную часть Персии, где, по имевшимся сведениям, возник ряд русских хозяйств²⁵.

Чем же в экономическом и сельскохозяйственном смысле так привлекательны были прикаспийские районы Персии? В отличие от Туркестана, они не требовали дополнительного искусственного орошения. Это были так называемые богарные земли, орошавшиеся естественным путем. Их обработка русскому переселенцу в Персии обходилась значительно дешевле, чем переселенцу в Туркестане. В мемуарах Татищев вспоминал, что в Ташкенте ему приходилось почти ежедневно заниматься вопросами текущего характера по управлению работами по орошению Голодной степи²⁶. Новые переселенцы должны были выкупить стоимость оросительных сооружений, которая проектом орошения Голодной степи была определена в 165 руб. с десятины²⁷. В Персии Российской империи не нужно было вкладывать деньги в строительство больших ирригационных систем, а ожидаемая доходность земель давала возможность в первые же годы покрыть все затраты по их покупке.

«Докладная записка» А.А. Татищева о поездке в Персию в 1914 г. 13 мая 1914 г. Татищев выехал из Красноводска в направлении Астрабада. Конечной точкой его поездки было урочище Гумбет-Кабуз в долине р. Гюрген. Необходимо отметить, что в мемуарах Татищева нашлось место и воспоминаниям о поездке в Персию²⁸.

Ознакомившись с ситуацией на месте, Татищев опроверг сведения о 20-тысячной русской колонии между Бендер-Гязем и Гумбет-Кабузом. По его сведениям, здесь на постоянной основе проживало не более 3 тыс. чел. Еще 1,5 тыс. чел. – сезонные рабочие на рыбных промыслах. Были еще так называемые ходоки – самовольные переселенцы, самостоятельно, без государственной помощи осваивавшие просторы прикаспийской Персии. Эта категория «русских людей» не подлежала достоверному учету. В итоге Татищев приводит цифру в 4 тыс. – именно столько, по его оценке, русских проживало на севере Персии²⁹.

Свое впечатление от увиденного Татищев охарактеризовал как «довольно тяжелое». По его мнению, русская крестьянская колонизация в Персии не имела успеха и значительное количество крестьян-ходов с семьями возвращалось обратно в пределы Российской империи. Татищев задавался вопросом, что эти люди находят в Персии в смысле доступного к приобретению земельного фонда? Едва ли не большая часть ходоков возвращалась из Персии обратно, виня в своих неудачах то российских консулов, то пограничного комиссара, которые, по их словам, не оказали им никакой помощи³⁰.

Пытаясь понять истинную причину неудач, Татищев пришел к следующим выводам. Одна из главных причин заключалась в отсутствии четких юридических оснований для русского землевладения в приграничной полосе Персии. Здесь русские государственные интересы сталкивались с интересами коренного персидского и туркменского населения, а о применении практики «изъятия излишек» на территории персидских провинций, пусть даже и подконтрольных России, не могло идти речи.

Однако ее нельзя было считать непреодолимой, поскольку ряду русских предпринимателей удалось приобрести и закрепить за собой в пределах Астрабадской и Мазендаранской провинций крупные земельные участки. Более того, именно эта неурегулированность и облегчала совершение земельных сделок на фоне царивших в Иране внутривластных

²⁵ Татищев А.А. Земли и люди... С. 191.

²⁶ Там же. С. 155–156.

²⁷ Там же. С. 163.

²⁸ Там же. С. 190–194.

²⁹ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 1 об.

³⁰ Там же. Л. 2.

неурядиц. Зачастую владелец земли с охотой уступал ее даже за сравнительно небольшую цену³¹.

Сложность была в том, что шедший в Персию крестьянин, как правило, практически не имел при себе наличных денег. Это, по мнению Татищева, и была истинная причина неудач крестьян-ходоков. Крестьяне были готовы купить землю в рассрочку, причем много-летнюю, не менее 10 лет. Между тем владелец земли уступал ее на выгодных для покупателя условиях лишь в том случае, если хотя бы часть стоимости оплачивалась на месте. Такая же ситуация была с арендой земли – в большинстве случаев требовалась оплата за несколько лет вперед. Для решения проблемы Татищев предлагал скупить земли в Персии у их владельцев за наличные деньги и затем распродать их русским переселенцам в рассрочку примерно так же, как это делал Крестьянский поземельный банк³².

К необходимости создания организации по скупке земель у населения Ирана склонялись и консул, и пограничный комиссар. Решение необходимо было принять как можно скорее, потому что, во-первых, цены на землю росли стремительно, а во-вторых, иранцы могли начать заключать сделки с лицами, нежелательными для России по политическим соображениям, – например с немцами.

Что касается возможного объема закупки земель, то точных цифр Татищев в «Записке» не приводит. Он повторил слова консула, что в пределах приморской полосы Астрабадской и Мазендаранской провинций в случае достаточного отпуска средств (подчеркнем это) удалось бы приобрести не менее 70–80 тыс. десятин по цене не выше 50 руб., а в среднем не выше 30 руб. с десятины. В полосе же туркменских земель по левому берегу р. Гюргена, по отзывам пограничного комиссара генерала Лаврова, возможно купить до 80 тыс. десятин в среднем по цене около 20 руб. с десятины. При таких условиях на покупку порядка 150 тыс. десятин земельного фонда требовалось 3,5–4 млн руб. Татищев рассчитывал еще на рассрочку примерно на два года³³.

В районе, прилегающем к Каспийскому морю, русско-персидская граница была установлена по реке Атрек. Между тем в среде русских чиновников в Закаспийской области Туркестана и в Персии имело место некое неофициальное представление о том, что рекой, которую в действительности имели в виду лица, ведшие когда-то русско-персидские переговоры, был не Атрек, а Гюрген, расположенный несколько южнее. «Надо действительно сказать, – читаем мы в воспоминаниях Татищева, – что экономическое наше влияние доходило до Гюргена, еще когда не было речи об оккупации северной Персии, что началось, кажется, в 1910 году. По крайней мере кочевые йомуды, русские подданные, проводившие лето где-то на границе Закаспия и Уральской области, зимой спускались к Гюргену в пределы персидские, и так как последние были очень недалеко от нашей официальной границы, то сбор годовых податей с йомудов фактически проводился нами зимой в Персии, а не летом в России»³⁴. По этой причине Астрабадскую провинцию нередко называли Персидской Туркменией³⁵.

Татищев в мемуарах так воспроизводит свою беседу в Гумбет-Кабузе с пограничным комиссаром генералом Лавровым, активно раздававшим в долине Гургена земельные участки русским переселенцам: «На мой вопрос, кто имеет право на получение участков, Лавров спокойно ответил: “Да всякий – русский или йомуд, кроме персов, конечно; им здесь делать нечего, Гюрген – земля русская, и граница по Атреку установлена была по ошибке”. Надо, впрочем, сказать, что права персов на земли прилежащих предгорий Лавров не оспаривал, так как они там сидели издавна и занимались земледелием»³⁶.

Какое учреждение могло бы взять на себя проведение намеченных задач по созданию в приграничной полосе «устойчивого мелкого русского землевладения»? Таковым, по мне-

³¹ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 2.

³² Там же. Л. 2 об.

³³ Там же. Л. 3–3 об.

³⁴ Татищев А.А. Земли и люди... С. 191–192.

³⁵ Чиркин Г.Ф. Отчетная записка о поездке весной 1916 г. ... С. 2.

³⁶ Татищев А.А. Земли и люди... С. 193.

нию Татищева, мог стать Учетно-ссудный банк России в Персии или, в крайнем случае, ГУЗиЗ, что было менее желательно. К слову сказать, отделения Учетно-ссудного банка к тому времени уже работали в других провинциях Персии. Так, к концу того же 1914 г. после неудач прекратило свое существование отделение Учетно-ссудного банка в Бирджане в зоне Британского контроля на юго-востоке Персии. Сразу же после этого в Бирджане открылось отделение Шахиншахского банка Великобритании, а вместе с ним появился официальный английский вице-консул и аптека с фельдшером. Британское консульство вскоре купило там поместье³⁷.

Сам Татищев, и он прямо пишет об этом в «Докладной записке», был сторонником расширения частных русских земельных владений в пограничной полосе. При этом на этих частновладельческих землях до четверти площадей собственники должны были отдать под организацию русских поселков. Это давало землевладельцу преимущества, так как гарантировало, что консульство в случае вывода русских войск из Персии будет охранять этот участок от претензий со стороны персов, нападения бандитских шаяк и т.д.

С одной стороны, Татищев сомневался, насколько такая постановка вопроса государством перед собственником – «если хочешь помощи – отдай четверть земли крестьянам» – правомерна в этическом смысле. С другой, считал Татищев, «русских людей, оседающих в чужом государстве, необходимо поставить в положение уверенности в завтрашнем дне»³⁸. А увиденное в поездке говорило об обратном. Крестьяне-ходоки не хотели оседать в Персии на участках русских собственников, поскольку последние не гарантировали долготейшее пользование землей на строго зафиксированных договорных условиях.

Татищев видел два пути решения сложившейся ситуации. Первый – обязать каждого приобретающего земельные участки в Персии не менее четверти земли сдавать русским крестьянам на срок не менее 36 лет за фиксированную договором плату. Второй – оказывать крестьянам прямую денежную помощь путем выдачи ссуд³⁹. В развитие второго пути Татищев предлагал разрешить чиновникам переселенческого управления закупать «впрок» по 2–3 тыс. десятин земли. Таким образом, прибывающих ходоков всегда можно было бы оперативно обеспечить землей⁴⁰.

Описанные выше стратегии были применимы на левом берегу Гюргена. Правый берег реки относился уже к району поливного земледелия, и здесь помощь переселенцам, и особенно крупным землевладельцам, со стороны государства должна была выглядеть иначе. Ничего нового придумывать было не нужно. Татищев предлагал применять те же методы, что уже работали в отношении русских концессионеров в Хиве и Бухаре.

Но будь то на левом или на правом берегу Гюргена, приоритет при сдаче земли в аренду оставался за русскими переселенцами. И только при отсутствии крестьян-ходоков земля передавалась в аренду на короткое время местным туркменам. Такой порядок был установлен туркестанским генерал-губернатором. Однако консул Иванов воздерживался узаконивать подобного рода сделки, ссылаясь на ранее полученные распоряжения из МИД о нежелательности появления в приграничной полосе крупных концессий⁴¹.

Было еще одно важное обстоятельство внутриперсидского порядка. Степь по левому берегу Гюргена, столь привлекательная для русского переселения, исторически оспаривалась персами и туркменами. Земли в этом районе часто меняли хозяев. В предвоенный период на спорных землях главенствовали туркмены, но никто не знал, как долго это продлится.

По действовавшему на тот момент Туркманчайскому договору 1828 г., русским и вообще иностранным подданным запрещалось владеть в пределах Персии землей. Шахское правительство строго следило за выполнением этого пункта, и если бы не революция, переселение русских крестьян наверняка вызвало бы дипломатический скандал. Однако как

³⁷ Габриэлян С. История внешнеполитического соперничества европейских государств в Иране: геоэкономические аспекты (конец XIX – XX в.). Ташкент, 2022. С. 159.

³⁸ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 5 об.

³⁹ Там же. Л. 6.

⁴⁰ Там же. Л. 6 об.

⁴¹ Там же. Л. 7.

только постреволюционная ситуация стабилизировалась, официальный Тегеран вновь подтвердил запрет покупки и даже аренды земель русскими. Но к этому моменту значительно возросло влияние России, которая разместила в северной Персии свои войска. В итоге запрет остается только на бумаге⁴².

Взгляды консула Иванова и пограничного комиссара Лаврова в перспективной оценке ситуации диаметрально расходились, что крайне негативно сказывалось на работе чиновников Переселенческого управления.

Лавров делал ставку на туркмен, которые большую часть года проводили на российской территории и являлись двуданниками. Иванов резонно напоминал, что в шариате нет понятия давности относительно права собственности на землю. Поэтому по каждому случаю представляемых персами претензий, оспаривающих эту собственность у туркмен, необходимы будут судебные разбирательства. Судебные процессы всегда будут в пользу персов, поскольку туркмены на землю никогда и никаких документов не имеют. Более того, само персидское правительство не признает за туркменами права собственности на занимаемые ими земли⁴³.

Поэтому консул Иванов предлагал осуществлять двойную покупку земли на каждый участок: у персов, имеющих на них документы, и у туркмен – фактических владельцев. Метод Иванова мог привести к удорожанию приобретаемой земли, но не намного. Расчет был на то, что персы охотно будут продавать права на земли (Иванов считал, что не дороже 15 руб. за десятину), которые фактически не могут использовать, и персидское правительство не сможет предъявлять никаких претензий. Именно поэтому, подчеркивал Татищев, ни одна земельная сделка на левом берегу Гюргена нашим консульством пока не зарегистрирована⁴⁴.

Беспокоил Татищева статус нескольких чиновников Переселенческого управления. Он считал, что их нужно переподчинить МИД и прикомандировать одного к консулу, другого к пограничному комиссару. Эта мера позволила бы укрепить авторитет чиновников в глазах местного населения, а главное – статус чиновника Министерства иностранных дел, дающий дипломатический иммунитет, лишил бы персидское правительство возможности требовать детальных объяснений о целях их перемещений по стране⁴⁵.

Вообще сами условия жизни чиновников Переселенческого управления в Персии вызывали у Татищева большую озабоченность. Люди нуждались хотя бы в минимальных бытовых удобствах, «иначе там ни один не усидит», – считал он. Готовых помещений не было. В Астрабаде можно было ограничиться переделкой какого-либо «туземного здания», что могло обойтись казне в 1,5 тыс. руб. Что касается Гумбет-Кабуза, там здание придется строить (что обойдется примерно в 4,5 тыс. руб.). Само содержание чиновников Татищев предлагал довести до 3 тыс. руб. в год, чтобы как-то компенсировать их бытовые неудобства и поднять служебный авторитет минимум до VI класса Табеля о рангах⁴⁶.

Не мог Татищев в «Докладной записке» обойти и вопросы социально-гуманитарного порядка, связанные с жизнью русских переселенцев в Персии⁴⁷. Он отмечал, что медицинская помощь оказывалась двумя отрядами Российского Красного Креста. Один стационарно находился в Астрабаде, другой – в Гумбет-Кабузе. Каждый отряд состоял из двух врачей, двух студентов-медиков, акушерки, трех сестер милосердия и трех санитаров. Сверх этого штата работал врач-окулист, обслуживавший оба района⁴⁸.

⁴² Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии... С. 14.

⁴³ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 8.

⁴⁴ Там же. Л. 8 об.

⁴⁵ Там же. Л. 9 об.–10.

⁴⁶ Там же. Л. 13–13 об.

⁴⁷ Подробнее см.: Ларин А.Б. «Жизнь здесь русских поселенцев оказалась, однако, для них тяжким испытанием»: первые попытки обеспечения медицинской помощью русских переселенцев в Астрабадскую провинцию [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История». 2023. Т. 14, вып. 8 (130). URL: <https://history.jes.su/s207987840027938-0-1> (дата обращения: 14.10.2025).

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 10.

Большей частью больных, пользовавшихся медицинской помощью в обоих районах, были персы и туркмены, что имело для России, по мнению Татищева, «огромное политическое значение»⁴⁹. Даже местные женщины, несмотря на все имевшиеся религиозно-культурные запреты, охотно обращались к русским врачам. Самой бедой приграничной полосы была малярия. От этого заболевания страдали все без исключения русские переселенцы.

От имени консула Иванова, пограничного комиссара Лаврова и себя лично Татищев просил туркестанского генерал-губернатора ходатайствовать в Главное управление общества Красного Креста не ограничивать деятельность отрядов годичным сроком, а сделать их пребывание в Персии постоянным. Помимо имевшихся врачебных пунктов, Татищев считал необходимым организовать «врачебно-остановочные пункты» в местах высадки переселенцев на Каспии: в Чикишляре, Ходжа-Нефесе, Карасу и Бендер-Гязе. Необходимы были фельдшерские пункты и в отдаленных переселенческих поселках: Крещенке, Рождественском и Константино-Ивановке⁵⁰.

В переселенческих поселках не хватало школ. Так, в Гумбет-Кабузе школьного учителя для ста русских дворов и местных туркмен пограничный комиссар Лавров оплачивал из своих личных средств. Здание школы было очень тесным. В поселке Покровка на 63 двора и соседнем молоканском поселке Лавровка на 40 дворов школы не было совсем. В «Записке» Татищев приводит подробный список переселенческих поселков, не имевших школ. Так как в ближайших горах лес рубился переселенцами бесплатно, переселенцы могли доставлять его к месту строительства своими силами. Тогда примерная стоимость постройки каждой школы определялась Татищевым в 2,5 тыс. руб.⁵¹ Церкви прежде всего нужны были в Гумбете и Астрабаде, поскольку там размещались русские войска.

Крайне важным Татищев считал организацию агрономической помощи переселенцам. Отдельного внимания со стороны русского правительства заслуживал вопрос снабжения их качественными семенами. Татищев предлагал создать сеть плантаций с опытными посевами по акклиматизации различных сортов хлопка и злаков. И консул, и пограничный комиссар обещали всячески содействовать в решении этой задачи и даже нашли под это участки земли.

Переселенческие хозяйства остро нуждались в сельскохозяйственной технике. Складов для ее хранения не хватало. Для закупки техники не было оборотных средств. Татищев просил Самсонова ходатайствовать перед Переселенческим управлением об отпуске Асхабадскому складу из средств Омского склада взаимнообразно 10–15 тыс. руб.⁵²

Крестьянские хозяйства в Персии нуждались в государственных ссудах. «Во всяком случае, – писал Татищев, – надо иметь в виду, что уже теперь в районе имеется около 400 хозяйств, находящихся в зачаточном состоянии и требующих для своего развития и укрепления правительственной поддержки»⁵³.

В заключительной части «Докладной записки» Татищев делился с генералом Самсоновым мыслями о том, как структурировать и районировать северо-восточные провинции Персии. По мнению Татищева, это было крайне необходимо. Первый район – это правобережье Гюргена. Земли здесь эффективно использовать можно было лишь при наличии искусственного орошения. Особенно если речь шла о посеве ценной культуры хлопчатника. Второй район охватывал широкую степную полосу между Гюргеном и горным хребтом. Возделывание здесь злаков и хлопка не требовало дополнительных затрат на искусственное орошение. Местная степь практически соответствовала климатическим условиям южнорусских степей. Именно этот район больше всего привлекал внимание переселенцев-ходоков.

Третий район – приморская полоса Астрабадской и Мазендаранской провинций – благодаря обилию осадков являлся самым удобным для земледелия, но пока только начинал

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 11.

⁵⁰ Там же. Л. 11.

⁵¹ Там же. Л. 11 об.–12.

⁵² Там же. Л. 12 об.

⁵³ Там же. Л. 13.

привлекать к себе внимание переселенцев⁵⁴. Причем не столько крестьян, сколько предпринимателей. Помимо хлопка, в перспективе здесь можно разводить апельсиновые сады и возделывать целый ряд почти субтропических культур⁵⁵. Здесь же прекрасно может развиваться деревообрабатывающая промышленность. Но на эти прекрасные приморские территории, по образному выражению Татищева, «начинают уже теперь бросать взгляды иностранцы»⁵⁶. Прежде всего эти «взгляды» исходили от Германии⁵⁷.

«Если мы склонны смотреть на дело заселения пограничной полосы как на задачу общеполитического значения, – переходил к выводам Татищев, – как на способ утвердиться на южном берегу Каспия, преимущественное внимание должно быть уделено третьему – приморскому району. И притом безотлагательно, ибо земли здесь дорожают, и не сегодня-завтра могут появиться и скупить земли иностранцы»⁵⁸.

Если ограничиться «более скромными пределами» – оказанием помощи крестьянам-ходокам, основное внимание должен привлекать район Гюргенского левобережья. Этот район ближе крестьянам климатически. В нем хозяйственную деятельность можно вести практически без дополнительных затрат. Правда он не даст ни апельсинов, ни других южных культур, но хлопок можно возделывать с полной уверенностью в успехе⁵⁹.

К «Докладной записке» прилагался «Перечень земельных владений, приобретенных в северной Персии русскими подданными»⁶⁰. Татищев подчеркивал, что не может поручиться за точность приводимых сведений, однако приблизительное представление о размерах русского землевладения в Персии они давали.

Послесловие. Вернувшись в Ташкент, Татищев представил генерал-губернатору Самсонову подробный доклад об увиденном и мерах, которые можно было бы предпринять, чтобы содействовать развитию русского переселенческого движения в Персию. Самсонов докладом заинтересовался и отправил его копии Главноуправляющему ГУЗиЗ А.В. Кривошеину и министру иностранных дел С.Д. Сазонову, прося об осуществлении намеченных мер. «Дальнейшего движения», как это нередко случалось с подобного рода документами, вопрос не получил. Но кое-какие результаты все же были: ГУЗиЗ выделило А.М. Сахарову, ранее возглавлявшему Управление Сырдарьинского переселенческого района, а после поездки А.А. Татищева, направленного на работу в Иран, средства на открытие в Гумбет-Кабузе фельдшерского пункта и отправку туда еще одного переселенческого чиновника. В 1915 г. Сахаров опубликует книгу о колонизации Астрабадской провинции⁶¹.

Из Министерства же иностранных дел ответа получено не было. Сам Татищев объяснял это тем, что несколько дней спустя произошло сараевское убийство и все внимание оказалось обращенным на иные события⁶².

С 1914 г. ГУЗиЗ организовало планомерную помощь русским переселенцам в Астрабадской провинции Персии. Несмотря на это, в 1916 г. переселенцы стали испытывать острый дефицит товаров первой необходимости в связи с приостановкой внешней торговли через персидскую границу⁶³. Кроме того, русские поселки в Персии сильно пострадали от туркмен-йомудов во время восстания 1916 г.⁶⁴ Тем не менее в 1917 г. был составлен План

⁵⁴ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 13 об.

⁵⁵ Подробнее см.: Ларин А.Б. «Новая Апельсиния»: апология проникновения в Мазандаран и Астрабад в публикациях чинов российского переселенческого ведомства [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История» 2021. Т. 12, вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/S207987840016274-0-1> (дата обращения: 14.10.2025).

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 14.

⁵⁷ Подробнее см.: Ларин А.Б. «Германская угроза» и российское землевладение в прикаспийских провинциях Ирана в эпоху Первой мировой войны (постановка проблемы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2024. Т. 6, № 1. С. 139–149.

⁵⁸ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486 Б. Д. 1284. Л. 14.

⁵⁹ Там же. Л. 14–14 об.

⁶⁰ Там же. Л. 17–19.

⁶¹ Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии...

⁶² Татищев А.А. Земли и люди... С. 193–194.

⁶³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 6. Д. 307. Л. 1–2 об.

⁶⁴ Там же. Л. 93.

освоения переселенческого района занятой русскими войсками части Астрабадской провинции Персии по заготовке земель колониционного фонда для организации новых поселков для русских крестьян⁶⁵.

В годы Первой мировой войны вопрос экономической безопасности, т.е. возможность обеспечить потребности не только легкой, но и военной промышленности отечественным хлопком, встал как никогда остро. По сведениям МИД Российской империи, Германия получала весьма значительное количество хлопка транзитом через Турцию и Данию, хотя по имевшейся информации в малоазиатских владениях Турции возможности для хлопководства были незначительными. На основании этой информации Главным управлением Генерального штаба 14 декабря 1915 г. был сделан запрос в Азиатскую часть Главного штаба, не может ли этот хлопок иметь российское происхождение и поступать в Европу из Туркестана, Хивы или Бухары через Афганистан и Персию⁶⁶? Ответ из Ташкента был отрицательный. Более того, в годы войны Россия ввозила некоторое количество хлопка из Персии⁶⁷.

Заключение. Несмотря на беспокойную обстановку в зоне «русской ответственности» на северо-востоке Ирана и в приграничной с Россией полосе, накануне Первой мировой войны русское переселение шагнуло за границы среднеазиатских владений империи. Россия в очередной раз решила применить опробованную ранее на Кавказе и особенно в Туркестане практику создания вдоль стратегических дорог (в первую очередь железных) или речных долин русских поселков как гарантированных в случае военных столкновений готовых боевых отрядов. Россия искала возможность выращивать свой хлопок, тем самым обеспечить себе хлопковую независимость. Туркестанский хлопок обходился ей недешево с учетом серьезных инфраструктурных затрат на строительство ирригационной системы в крае. Северо-восток Ирана выглядел в этом смысле куда более привлекательнее с экономической точки зрения. В 1912 г. Российской империей был сформулирован новый курс в переселенческой политике в Туркестане. Его основные положения предполагали применить и в отношении северо-восточного Ирана.

Литература

Бессонов Б.В. Русские переселенцы в Северной Персии. Пг.: Переселенческое управление ГУЗиЗ, 1915. 90 с.

Вошинин В.П. Современные задачи России на севере Персии. Пг.: Екатерининская типография, 1915. 26 с.

Габриэлян С. История внешнеполитического соперничества европейских государств в Иране: геоэкономические аспекты (конец XIX – XX в.). Ташкент: Bookmany print, 2022. 197 с.

Гинзбург А.И. Из истории возникновения русских поселений в Северном Иране // Из истории Средней Азии (дореволюционный период): сб. ст. Ташкент: Наука, 1965. С. 30–36.

Канода Н.Н. Переселенческие поселки в Закаспийской области (Конец XIX в. – начало XX в.). Ашхабад: Ылым, 1973. 89 с.

Котюкова Т.В. Денежное обращение в русском Туркестане и Бухарском эмирате. Справка А.А. Семенова «По вопросу о современном обращении персидских кранов в Средней Азии» // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 8. М., 2018. С. 220–259.

Котюкова Т.В. Персия // Россия в системе международных отношений в годы Первой мировой войны. М.: Международные отношения, 2019. Т. 3. С. 319–349.

Кривошеин А.В. Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием в Туркестанском крае в 1912 году. Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб.: Государственная типография, 1912. 88 с.

⁶⁵ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 307. Л. 122–132.

⁶⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4413. Л. 61–61 об.

⁶⁷ Там же. Л. 73.

Кривошеин А.В. Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Муганскую степь в 1913 году. Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб.: Государственная типография, 1913. 62 с.

Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин (1857–1921 г.) Его значение в истории России начала XX века. Париж: Б.и., 1973. 355 с.

Ларин А.Б. «Германская угроза» и российское землевладение в прикаспийских провинциях Ирана в эпоху Первой мировой войны (постановка проблемы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2024. Т. 6, № 1. С. 139–149.

Ларин А.Б. «Жизнь здесь русских поселенцев оказалась, однако, для них тяжким испытанием»: первые попытки обеспечения медицинской помощью русских переселенцев в Астрабадскую провинцию [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История». 2023. Т. 14, вып. 8 (130). URL: <https://history.jes.su/s207987840027938-0-1> (дата обращения: 14.10.2025).

Ларин А.Б. «Новая Апельсиния»: апология проникновения в Мазандаран и Астрабад в публикациях чинов российского переселенческого ведомства [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История» 2021. Т. 12, вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/S207987840016274-0-1> (дата обращения: 14.10.2025).

Ларин А.Б. Политика колонизации как политика безопасности: российское переселенчество в Астрабадскую провинцию Ирана в эпоху Великой войны [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История». 2023. Т. 14, вып. 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840029145-8-1> (дата обращения: 14.10.2025).

Ларин А.Б. «Сами персы ничего не предпримут для поднятия края»: консул К.В. Иванов о проблемах и перспективах российского переселенчества и землевладения в прикаспийских провинциях Ирана (начало XX в.) [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История». 2023. Т. 14, вып. 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028442-5-1> (дата обращения: 14.10.2025).

Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Издательство Московского университета, 1996. 682 с.

Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии. Пг.: Переселенческое управление ГУЗиЗ, 1915. 75 с.

Сухоруков А.Н. Русские поселения на севере Ирана в начале XX в. // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем: мат-лы междунар. науч. конф. (IX Колосницынские чтения) (16–17 апреля 2014 г.). Екатеринбург, 2014. С. 282–287.

Татищев А.А. Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906–1921). М.: Русский путь, 2001. 376 с.

Чиркин Г.Ф. Отчетная записка о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции Северной Персии начальника Переселенческого управления Г.Ф. Чиркина. Пг.: Екатерининская типография, 1916. 48 с.

Шарова П.Н. Переселенческая политика в Средней Азии // Исторические записки. 1940. № 8. С. 31–34.

References

Bessonov, B.V. (1915). *Russkie pereselentsy v Severnoy Persii* [Russian Settlers in Northern Persia]. Petrograd, Pereselencheskoe upravlenie GUZiZ. 90 p.

Chirkin, G.F. (1916). *Otchetnaya zapiska o poezdke vesnoy 1916 g. v Astrabadskuyu i Mazanderanskuyu provintsii Severnoy Persii nachal'nika Pereselencheskogo upravleniya G.F. Chirkina* [Report on the Trip in the Spring of 1916 to the Astrabad and Mazanderan Provinces of Northern Persia by the Head of the Resettlement Directorate G.F. Chirkin]. Petrograd, Yekaterininskaya tipografiya. 48 p.

Gabrielyan, S. (2022). *Istoriya vneshnepoliticheskogo sopernichestva evropeyskikh gosudarstv v Irane: geoekonomicheskie aspekty (konets XIX – XX v.)* [History of Foreign Policy Rivalry of European States in Iran: Geo-Economic Aspects (Late 19th – 20th Centuries)]. Tashkent, Bookmany print. 197 p.

Ginzburg, A.I. (1965). Iz istorii vozniknoveniya russkikh poseleniy v Severnom Irane [From the History of the Emergence of Russian Settlements in Northern Iran]. In *Iz istorii Sredney Azii (dorevolutsionnyy period)*. Tashkent, Nauka, pp. 30–36.

Kanoda, N.N. (1973). *Pereselencheskie poselki v Zakaspiyskoy oblasti (Konets XIX v. – nachalo XX v.)* [Settlement Settlements in the Trans-Caspian Region (Late 19th Century – Early 20th Century)]. Ashgabat, Ylym. 89 p.

Kotyukova, T.V. (2018). Denezhnoe obrashchenie v russkom Turkestane i Bukharskom emirate. Spravka A.A. Semenova “Po voprosu o sovremennom obrashchenii persidskikh kranov v Sredney Azii” [Money Circulation in Russian Turkestan and the Emirate of Bukhara. Reference by A.A. Semenov “On the Issue of Modern Circulation of Persian Cranes in Central Asia”]. In *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh*. Moscow, pp. 220–259.

Kotyukova, T.V. (2019). Persiya [Persia]. In *Rossiya v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy v gody Pervoy mirovoy voyny*. Vol. 3. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, pp. 319–349.

Krivoshein, A.V. (1912). *Zapiska Glavnoupravlyayushchego zemleustroystvom i zemledeliem v Turkestanskom kraye v 1912 godu. Prilozheniye k vsepoddaneyshemu dokladu* [Note of the Chief Manager of Land Management and Agriculture in the Turkestan Region in 1912. Appendix to the Most Humble Report]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 88 p.

Krivoshein, A.V. (1913). *Zapiska glavnoupravlyayushchego zemleustroystvom i zemledeliem o poezdke v Muganskuyu step' v 1913 godu. Prilozhenie k vsepoddaneyshemu dokladu* [Note by the Chief Manager of Land Management and Agriculture on a Trip to the Mugan Steppe in 1913. Appendix to the Most Honourable Report]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 62 p.

Krivoshein, K.A. (1973). A.V. Krivoshein (1857–1921 g.) *Ego znachenie v istorii Rossii nachala XX veka* [A.V. Krivoshein (1857–1921). His Significance in the History of Russia at the Beginning of the 20th Century]. Paris. 355 p.

Larin, A.B. (2021). “Novaya Apel'siniya”: apologiya proniknoveniya v Mazandaran i Astrabad v publikatsiyakh chinov rossiyskogo pereselencheskogo vedomstva [“New Orange”: An Apology for Penetration into Mazandaran and Astrabad in the Publications of Officials of the Russian Resettlement Department]. In *ENOZh “Istoriya”*. Vol. 12, Iss. 6 (104). Available at: URL: <https://history.jes.su/s207987840027938-0-1> (date of access 14.10.2025).

Larin, A.B. (2023). “Sami persy nichego ne predprimut dlya podnyatiya kraya”: konsul K.V. Ivanov o problemakh i perspektivakh rossiyskogo pereselenchestva i zemlevladieniya v prikaspiyskikh provintsiiyakh Irana (nachalo XX v.) [“The Persians Themselves will Do Nothing to Raise the Region”: Consul K.V. Ivanov on the Problems and Prospects of Russian Resettlement and Land Ownership in the Caspian Provinces of Iran (Early 20th Century)]. In *ENOZh “Istoriya”*. Vol. 14, Iss. 9 (131). Available at: URL: <https://history.jes.su/S207987840016274-0-1> (date of access 14.10.2025).

Larin, A.B. (2023). “Zhizn' zdes' russkikh poselentsev okazalas', odnako, dlya nikh tyazhkim ispytaniem”: pervye popytki obespecheniya meditsinskoy pomoshch'yu russkikh pereselentsev v Astrabadskuyu provintsiyu [“Life Here for Russian Settlers, However, Turned out to be a Difficult Test for Them”: The first Attempts to Provide Medical Care to Russian Settlers in the Astrabad Province]. In *ENOZh “Istoriya”*. Vol. 14, Iss. 8 (130). Available at: URL: <https://history.jes.su/s207987840029145-8-1> (date of access 14.10.2025).

Larin, A.B. (2023). Politika kolonizatsii kak politika bezopasnosti: rossiyskoe pereselenchestvo v Astrabadskuyu provintsiyu Irana v epokhu Velikoy voyny [Colonization Policy as a Security Policy: Russian Resettlement in the Astrabad Province of Iran during the Great War]. In *ENOZh “Istoriya”*. Vol. 14, Iss. 11 (133). Available at: URL: <https://history.jes.su/s207987840028442-5-1> (date of access 14.10.2025).

Larin, A.B. (2024). “Germanskaya ugroza” i rossiyskoe zemlevladienie v prikaspiyskikh provintsiiyakh Irana v epokhu Pervoy mirovoy voyny (postanovka problemy) [“The German Threat” and Russian Land Ownership in the Caspian Provinces of Iran during the First World War (Problem Statement)]. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Istoricheskie nauki*. Vol. 6, No. 1, pp. 139–149.

Lyubavsky, M.K. (1996). *Obzor istorii russkoy kolonizatsii s drevneyshikh vremen i do XX veka* [Review of the History of Russian Colonization from Ancient Times to the 20th Century]. Moscow, MGU. 682 p.

Sakharov, A.M. (1915). *Russkaya kolonizatsiya Astrabadskoy provintsii v Persii* [Russian Colonization of the Astrabad Province in Persia]. Petrograd, Pereselencheskoe upravlenie GUZiZ. 75 p.

Sharova, P.N. (1940). Pereselencheskaya politika v Sredney Azii [Migration Policy in Central Asia]. In *Istoricheskie zapiski*. No. 8, pp. 31–34.

Sukhorukov, A.N. (2014). Russkie poseleniya na severe Irana v nachale XX v. [Russian Settlements in the North of Iran at the Beginning of the 20th Century]. In *Rossiya i Vostok: kul'turnye svyazi v proshlom i nastoyashchem: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (IX Kolosnitsynskie chteniya)*. April 16–17, 2014. Yekaterinburg, pp. 282–287.

Tatishchev, A.A. (2001). *Zemli i lyudi: V gushche pereselencheskogo dvizheniya (1906–1921)* [Lands and People: In the Thick of the Migration Movement (1906–1921)]. Moscow, Russkiy put'. 376 p.

Voshchinin, V.P. (1915). *Sovremennye zadachi Rossii na severe Persii* [Current Tasks of Russia in the North of Persia]. Petrograd, Yekaterininskaya tipografiya. 26 p.